

Носова Е.А., Носова М.А.

Сравнительный анализ характерных черт монгольского и китайского народов по их отношению к волкам

Образ волка в культурах народов мира

В данной статье нам представляется интересным провести параллели между образами волка, существующими в традиционных культурах различных народов мира. Образ волка можно встретить в самых разных культурах, а также в мифологии разных народов. Проанализировав образа волка в различных культурах, можно провести параллели между представлениями об этом образе, сложившимися у разных народов, которые могли и не осуществлять культурной коммуникации между собой. Следовательно, можно предположить, что идентичные или в значительной мере схожие представления об образе волка исходят в том числе и из подсознательного отношения к волкам.

Образ волка связан с определенным символическим рядом ассоциаций, неизменно повторяющимся в разные времена и у разных народов. Среди таких ассоциаций можно выделить общность образов волка и собаки; часто повторяющаяся связь волка с солнцем или солнечным божеством; роль волка как посредника между небесным и подземным миром, а также проводника в загробном царстве. Также, часто встречается военная символика волка: волк - покровитель воинских сообществ, а воинственные нации часто называют волка своим прародителем. В патриархальных обществах образ волка тесно связался с ролью жениха или похитителя женщин, соответственно насыщаясь эротической символикой. Со временем волк начинает ассоциироваться с преступником, разбойником из дикой глуши. Все эти ассоциации, широко встречающиеся у разных народов, распространяются в том числе и на монгольскую культуру.

Чрезвычайно широко распространена связь волка с солнцем. Она странным образом встречается в мифах и религиях различного происхождения.

Египетский бог Упуат (Упуат), чьим священным животным был волк, со времени возвышения культа солнечного бога Ра становится спутником бога солнца, сражающимся с противником Ра - змеем Апопом. Культурным городом бога Упуата был Сиут (а по-гречески Ликополь, что означает буквально "Волкоград"). (см. подробнее [2, С.365 - 376])

Греческий бог Солнца Аполлон иногда назывался еще Аполлоном Ликейским ("Волчьим"). Аполлон был также богом гипербореев, народа живущего за Бореем - Северным ветром. Как многие боги солнца Аполлон борется со змеем - Пифоном. (Пифон

был также змеем - прорицателем, связанным с архаическим матриархальным культом матери - земли.) Аполлон Ликейский был как хранителем от волков, так и самим волком.

У восточных славян уже в христианское время волк был спутником Егория. Егорий или Георгий Победоносец изображался воином на белом коне, борющимся со змеем. Так по своей иконографии это типично солнечное божество.

У северных германцев волк - это однозначно зверь Одина, верховного аса. Один не является солнечным божеством, скорее он посредник - медиатор. Но один свой глаз Один потерял и в источниках есть намек, что Солнце и является глазом этого бога. В скандинавской мифологии волки связаны с солнцем самым непосредственным образом. Они гонятся за девой - Солнцем. И когда настигнут ее и сожрут, то наступит конец света. Солнечное и лунное затмения вообще часто ассоциировались с волками.

Таким образом волк может быть спутником божества - Солнца, помогающим ему бороться с однозначно хтоническим врагом - змеем. Или же просто спутником такого бога. В то же время волк становится постоянным врагом (тоже своего рода спутником) солнца, когда солнечным божеством оказывается не сильный бог - мужчина, а дева - Солнце. Так волк может быть союзником только для мужчины (сильного мужчины), а для женщины (девы) он оказывается преследователем, охотником, насильником и убийцей. А принадлежность солнечного божества к тому или иному полу иногда попросту связывается с географическими широтами и климатическим поясом народа, создающего мифы. Яркое и жаркое солнце - бог-мужчина, слабое солнышко - нежная солнечная дева.

Также, в противовес волку, сопровождающему бога солнца, волк - зверь, связанный с темнотой, мраком, подземным миром. В сочетании же с его охотничьими навыками выслеживания и преследования он (точнее, и волк, и собака) становится проводником в царстве умерших, в загробном мире.

Египетский бог Упуат (Вепуат), "Открывающий пути Дуата" был одним из загробных богов, провожающих умершего в царство мертвых. Его священным животным был волк. Позднее Упуат был покровителем караванов на пути через свой город Сиут (Ликополь). Здесь волк - проводник путешественников и умерших. (см. подробнее [2, С. 379 - 418])

Пес же обычно бывал "стражем" для чужих и спутником "своих". Так греческая мифология знает пса - стража подземного мира, трехголового Цербера. А трехголовую (или точнее трехтелую) богиню ночных перекрестков и чародейства Гекату сопровождали собаки. Роль пса - стража загробного мира в христианстве играет святой Петр, стоящий у небесных врат и пускающий или не пускающий туда души умерших.

Существует представление о связи волка с душами умерших предков. Достаточно вспомнить хотя бы волков монгольской степи, которые доставляли души монголов к Тэнгри.

Еще в недавнее время у славян говорилось, что встретив волка, нужно назвать три имени своих мертвых родичей, и тогда волк не тронет. Это видимо связано с его ролью проводника в загробном мире. Также и в некоторых заговорах от реальных волков говорится о том, что волк бывает у мертвых на том свете.

В кельтской и в германской мифологии встречаются псы преисподней, сопровождающие владыку мертвых, или просто владыку иного мира. Дикая Охота, возглавляемая Воданом и его супругой, состояла из душ умерших и охотничьих псов неистового и безумного бога. Так адский пес уже не кажется верным стражем и защитником - собакой бога или человека, так же далек он и от своего прародителя - лесного и свободного волка. Можно сказать, что гончие преисподней (в кельтской мифологии - белые с рыжими ушами) это отдельная категория, насыщенная особым символизмом. Они уже целиком приручены, в отличие от волка, но подчиняются безумию, иррациональности, стихийности.

Волк является посредником между "этим" миром живых людей и "тем" миром умерших и иных сил. Также он оказывается посредником между существами подземного мира и обитателями неба, будучи способным общаться и с теми, и с другими. В христианских культурах это проявляется как двойственная природа происхождения волка: *создает волка черт, а оживляет Бог*. Так похищение и съедание скота волком у славян зачастую воспринималось как законная жертва св. Егорию, лешему или даже Христу. Считалось даже, что волки поедают чертей по велению Бога. (см. подробнее [3, С. 536-549])

В разных культурах волк связан с пересечением границ, различными пограничными и переломными периодами или моментами. Например, переход от осени к зиме, а от зимы к весне. К этому времени относится обычно и разгул волков и соответственно частота обрядов против них и оберегов. При первом выпасе скота не давали ничего взаимы, не сношались в первую ночь перед масленицей, не пряли на святки, не передавали после захода солнца орудия ткачества и тому подобное - все это для того, чтобы волки не пожрали скотину.

С пограничными состояниями, с которыми ассоциируется волк, тесно связано и такое явление, как оборотничество. Оборотни – злые, кровожадные люди, способные превращаться в волков. Питаясь исключительно человеческим мясом и кровью, они отправляются по ночам на поиски своих жертв, которыми часто становятся одинокие путники. Легенды об оборотнях известны во всех странах, где волки представляли реальную опасность для жителей. Открытие реальной, но очень редкой странной болезни ликантропии способствовало распространению слухов об оборотнях. Любой больной ликантропией объявлялся оборотнем. Особенно много случаев заболевания отмечено во Франции. В Средневековой Европе считалось, что волчья личина нравилась и Сатане.(см. подробнее [1])

Образ волка тесно связан с мужскими военными братствами многих культур и народов. Полагают, что в древние времена инициация молодых воинов могла состоять в их магическом превращении в волков (особенно, если обряд происходил с применением наркотических или опьяняющих веществ), которые должны были некоторое время жить вдали от поселений "волчьей жизнью". Боевая дружина, военный мужской союз традиционно сравнивается с волчьей стаей. Волк - вор, убийца, насильник, душитель в глазах потенциальной жертвы и символ воинской доблести в глазах воина. Сам воин - волк, его противники - овцы, козы и тому подобные травоядные. Связываясь с мужскими военными союзами волк легко становится символом "внезаконности". Воинский мужской союз в любом случае предполагает некоторый разрыв с семейными родовыми связями и общепринятыми законами. Так образуется свое воинское "братство". Не случайно кровное побратимство было так широко распространено у скандинавских дружинников и викингов в целом.

Воин - волк, оставшись не у дел, выйдя на покой, покоя обычно не обретает, а становится преступником, преследующим своих жертв и преследуемым самим. Так берсерки ("медвежьих шкуры") становились обидчиками вдов и нежных дев, а также похитителями чужих наследств в исландских сагах. Но и таких волков - преступников находили и убивали. Уничтожение злых берсерков даже ставится в заслугу некоторым героям саг.

Существовала определенная воинская магия, где немалую роль играл волк. Обычно различные части тела волка служили оберегами или талисманами. Также волчий вой и появление волка разъяснялось как воинская примета.

В древней Исландии был своего рода юридический термин, обозначающий убийцу: композит, состоящий из двух слов "убийство" и "волк" ("мордварг"). Древненорвежские и древнеисландские законы различали разные типы убийств, в зависимости от обстоятельств и отношений между убийцей и убитым. Одним из самых тяжких оказывалось убийство беззащитного человека особенно после наступления темноты и попытка скрыть преступление. К такому убийце и относился вышеупомянутый термин "мордварг".

Жених в славянской свадебной поэзии часто ассоциируется с волком - похитителем невесты. Также в некоторых шуточных песнях волк, нападающий на скотину и загрызающий добычу, нередко приобретает эротическую символику. Волками - то есть "чужими" - представляются друзья и родственники жениха на свадьбе. В сонниках волк снится к приходу сватов. Иногда и родственники невесты ассоциируются с волками, а сама невеста или ее мать с волчицей. Тут проявляется подозрительность стороны жениха к чужой, невестинной родне, их обычаям, повадкам и возможностям навредить. Большею частью, все-

таки, образ волка связан с мужчинами и мужской символикой. Женитьба самого волка воспринимается как наказание или способ с этим волком - хищником справиться.

Таким образом, можно сделать вывод, что волк, как архетип, практически во всех культурах, имеющих легенды и традиции, в которых фигурируют волки, воспринимается в целом одинаково. Разница заключается в том, что среди одних народов преобладает полностью негативное отношение к волкам, а в других волк, хотя, безусловно, и воспринимается как жестокое, беспощадное животное, но при этом мудрость волков и их удивительное умение вести беспроблемную войну также признается. Ярким примером такого принципиально разного отношения к волкам выступают китайская и монгольская нации. Можно предположить, что ключевым фактором, повлиявшим на разные пути развития менталитета двух народов, является такое разное восприятие злого, умного зверя – волка.

Образ волка у кочевых народов

Волки в кочевой культуре и, в частности в монгольской, являются неотъемлемым звеном в понимании менталитета кочевых народов. Волки, постоянно угрожавшие скоту и самим людям, а также жесткий, суровый климат – все это создает такие условия жизни в степи, к которым может приспособиться далеко не каждый. Невозможно отрицать, что это выработало у степных народов твердый характер, непоколебимую волю и волчий ум. В романе Лю Цзямина «Волчий тотем» присутствует эпизод, как нельзя лучше характеризующий волю и характер кочевых народов - описание яростной схватки монгола Бату с огромной стаей волков за жизнь ценного табуна лошадей. Бату должен был охранять лошадей в ночное время, однако поднялась сильная метель, и в таких условиях молодой бесстрашный монгол всю ночь один сражался со стаей волков. Потеряв почти всех лошадей, он не оставлял попыток спасти оставшуюся часть табуна, несмотря на то, что силы волков в десятки раз превосходили его собственные, и жизнь его висела на волоске от смерти. “У Бату при виде этого самоубийственного штурма от страха одеревенели руки и ноги, холодный пот, которым он покрылся, превратился в лед. Он знал, что его карта бита и он уже не может спасти ситуацию. но он по-прежнему хотел сохранить несколько голодных лошадей, поэтому он натянул удила свое лошади, сдержал ее силу, потом сильно зажал ей бока, ослабил удила ,лошадь со свистом перепрыгнула преграждавших ей впереди путь волков и рванула к головным лошадям.” [4, С. 208] Защищать лошадей, бороться с волками – это его долг, честь монгола, поэтому Бату сражался так бесстрашно и так долго.

Вероятно, именно соседство с волками воспитало в монголах тот характер, которым они обладают сейчас, и сами монголы признают в волках своих учителей и

наставников и еще не так давно поклонялись волчьему тотему.”Я смотрю, у вас здесь волки удивительные, мозгов у них больше, чем у людей.<...>Волки понимают природные явления, разбираются в рельефе местности, умеют выбрать время, хорошо знают и себя, и противника, понимают стратегию и тактику, отлично ведут ближний ночной бой, партизанскую, маневренную войну, совершают стремительные броски, внезапные вылазки, блицкриги, умеют, используя преимущество концентрации войск, вести войну на полное уничтожение.” [4, С. 218]Скорее всего, без преподнесенных волками уроков людям, кочевые племена не сумели бы противостоять жестоким степным волкам на протяжении многих веков.”Степные люди и степные волки являются парой отборных игроков, вышедшей в финал в ожесточенной борьбе в монгольской степи из всех живых существ.” [4, С. 419]

Чэнь Чжэнь, находясь в степи, не просто вел кочевой образ жизни наряду с остальными жителями степи Элунь, но и пытался как можно больше разузнать о кочевых традициях, легендах, культуре. Почти все свое время он тратил на изучение различных книг, которые привез с собой из Пекина, а то, чего он не мог почерпнуть из книг, узнавал, беседуя с коренными жителями монгольской степи, расспрашивая их обо всем, что его интересовало. По истечению времени своего проживания в степи Элунь, он обладал немалыми знаниями о кочевых народах. Подтверждением этому служит то, что, вернувшись в Пекин, Чэнь Чжэнь стал преподавать в одном из Пекинских университетов, и цикл лекций, которые он читал, был посвящен именно волчьему тотему.

Одной из самых важных для понимания отношения монголов к волкам является традиция по которой покойников отвозят на телеге вверх по горе на одно из специальных Небесных кладбищ. Умершего заворачивают в кошму, но никак не привязывают к телеге, поэтому в какой-то момент тело выпадает из повозки. На этом месте и следует по обычаю оставить труп. Далее никто иной как волки должны доставить душу усопшего к Тэнгри. Через три дня родственники могут прийти на это место, и если от тела останутся только останки, значит умерший вел правильную жизнь, и его душа уже у Тэнгри. Если же тело нетронуто, значит человек совершал какие-то ошибки в своей жизни, и его душа не вознесется к Тэнгри. Важно, что тем животным, с которыми на протяжении всей своей жизни монголы ведут жестокую борьбу, они доверяют свои души, полагают, что именно волки имеют связь с Тэнгри. Делают это монголы еще и для того, чтобы экономить древесину, которая ушла бы на гробы. Старик Билиг же, обсуждая с Чэнь Чжэнем эту традицию, объясняет логику монголов тем, что они следуют принципу “есть мясо и возвращать мясо”.Это означает, что монголы, съедая за свою жизнь немалое количество степных животных, считают своим долгом отдавать свое мясо степи после смерти. И не случайно мясо степных людей после смерти достается именно волкам, животным, с

которыми монголы ведут свои ожесточенные бои. Подобные традиции и легенды существуют и в Китае, однако души умерших на Небо доставляют не волки, а летающие драконы, так как тотемом у народов Китая раньше был дракон.

С этой традицией тесно связана еще одна легенда степи Элунь – о том, что волки умеют летать. Эта способность необходима, чтобы доставить душу умершего к Тэнгри, и почти все люди в степи Элунь верили в то, что волки могут летать. Их веру подкрепляли и случаи, происходившие в степи. В романе Лю Цзяминь описывает историю, как однажды волки, которых заперли в хлеву для скота, наутро невероятным образом исчезли оттуда. Люди не смогли найти другой разгадки этой истории, как то, что волки просто улетели оттуда. Чэнь Чжэнь, заинтересованный всем, что связано с волками, хотел найти свое объяснение этому происшествию. И, проведя свое собственное расследование этого случая, он нашел рациональное объяснение. В действительности, волки просто сложили тушки овец одну на другую и, забравшись на сложенные в кучу овечьи трупы, перепрыгнули через стену. Но, несмотря на вполне логическое объяснение этого случая, вера в необъяснимые способности волков среди жителей степи Элунь не умерла. Они продолжали верить, что волки умеют летать и доставляют их души к Тэнгри.

Волки и овцы

На протяжении всего романа Лю Цзяминь проводит сравнение кочевых народов, в частности монгол, с жестокими, сильными волками, а китайцев с трусливыми, слабыми овцами. Автор утверждает, что “китайская болезнь” - это не что иное, как “болезнь овец”. Несколько раз в романе встречаются сцены, когда волки нападают на одну из овец в стаде, и остальные овцы смотрят на то, как одну из них убивают и съедают, не предпринимая абсолютно ничего. Именно такого рода сцена, по мнению автора романа, как нельзя лучше характеризует китайцев. По его мнению, китайцы точно так же, как овцы, в случае несправедливости и жестокости, происходящей поблизости, ничего не предпринимают, не имея смелости и твердости в характере. “Он еще подумал, что если бы у китайцев кроме тотема дракона был еще волчий тотем, то это было бы исключительно. Тогда китайский народ разве смог бы терпеть оскорбления и унижения вплоть до утраты своей национальной независимости?” [4, С. 379] Корни китайской болезни, “болезни овец”, Лю Цзяминь видит прежде всего в крестьянах и крестьянском характере. Воспитанные земледелием, китайцы не умеют приспосабливаться к разным условиям, в отличие от кочевых народов, которые, не имея конкретной территории, все время передвигаются с места на место в поисках лучших условий. Еще одной причиной существенных различий кочевников и китайцев выступает

отсутствие более обширной, нежели классовая борьба, борьбы за существование в китайской крестьянской цивилизации. Однако в кочевой цивилизации, как раз наоборот, конкуренция внутри кочевой жизни слишком жестокая и слишком распространена. Жесткие условия жизни выработали в кочевых народах твердую волю и волчий характер, в то время как земледельческий образ жизни китайцев привел к тому, что их воля стала слабой, и они слишком мягки, чтобы противостоять кому-то, кто их сильнее. В контексте этого Лю Цзяминь и называет китайскую нацию, земледельческую нацию, овечьей, слабой, трусливой. Без сомнения, в условиях “культурной революции” такое сравнение было очень смелым. Однако, широко оперируя такого рода смелыми сравнениями, Лю Цзяминь основывается не просто на своем субъективном мнении, а на исторических фактах. Он рассуждает на тему, почему в эпохи Чжоу, Хань и Тан китайцы сумели полностью разгромить такие кочевые народы, как цюаньжуны, шаньжуны, гунны и тюрки. Тогда были времена расцвета Древнего Китая, и в культурной жизни тоже наблюдался значительный взлет и расцвет. Автор считает, что в те времена в крови китайцев присутствовала наибольшая концентрация “волчьей крови”, а “овечьей крови” было меньше всего. Развитие китайской цивилизации двигалось по своему собственному пути, базируясь на земледелии. Китайцы всегда обходились продуктами своего собственного производства и полагали, что не нуждаются в связях с западом и другими культурами с “волчьим характером”. Такая позиция, возможно, и была самой большой ошибкой китайской цивилизации, которая привела к слабости крестьянской нации и к тому, что кочевые народы и их потомки вторглись в их районы, воспользовавшись их изобретениями, и разрушили их государство или сделали своим придатком. А, кочевой дух западных наций, наоборот, не ослаб, а сохранил свою силу и волчий характер, и поэтому сравнительно небольшие кочевые народы смогли подчинить себе огромную китайскую нацию. Ярким примером тому может являться завоевание монголами китайцев в тринадцатом веке и образование монгольской династии Юань. Таким образом, волки являются теми животными, которым кочевые народы полностью обязаны своим характером и настоящим сильным степным духом.

Образ собаки в Монголии и в Китае

Также, не менее важным, чем волк, животным в монгольской культуре является собака. Собаки на протяжении всей истории кочевой культуры были верными друзьями и помощниками кочевых народов, в том числе монголов. Собаки помогали монголам и в борьбе с волками. У каждой семьи в степи Элунь были свои верные помощники, свои собаки, и, если ночью на овец нападали волки, то собаки отгоняли их, и схватка волков и

собак нередко оказывалась очень кровавой. Нужно отметить, что в науке существует мнение, что собаки и волки произошли от одного общего предка. На эту тему много размышляет и Лю Цзяминь в романе “Волчий тотем”.

У Чэнь Чжэня, как у всех монголов, были собаки, защищающие его и помогающие ему. Одну из этих собак зовут Эрлань. Эрлань не похож на других собак, он скорее напоминает по характеру волка. Эрлань не любит людей и не так предан своему хозяину, как другие собаки преданы своим хозяевам в степи. Эрлань несколько раз нападал на овец, поэтому все отказались от него, и только Чэнь Чжэнь не побоялся взять к себе недружелюбную собаку, и впоследствии очень привязался к Эрланю. Чэнь Чжэнь все время следил за поведением своего любимца и замечал, что тот очень напоминает волка – своим поведением и характером. Этот большой злющий пес ночью, когда охранял овец, лаял особенно свирепо, готов был, жертвуя жизнью, разорвать, а во рту у него часто была видна волчья кровь. Однако, интересно, что, будучи такой похожей на волка, собака не только не проявляет к волкам “родственных чувств,” а, напротив, относится к хищникам, как к своим самым злейшим врагам, и дерется с ними еще ожесточенней, чем другие собаки. Чэнь Чжэнь, наблюдая за характером Эрланя, думал, что собака может быть полусобакой-полуволком, но от чего же тогда собака так ненавидит волков – эту загадку интеллигент из столицы так и не отгадал. “Что касается этого пса, то возможно, что самое мучительное заключается в том, что ни одна из его сторон – ни волчья, ни собачья – не принимают его, или же он сам не хочет идти ни к тем, ни к другим. Чэнь Чжэнь иногда думал, что он собака с характером волка хотя и лютая, но все же по природе своей – собака. Или, возможно, очень редкостный волк с характером собаки или наполовину собака, наполовину волк. Чэнь Чжэнь так и не смог распознать его.”[4, С. 123] Многие указывало Чэнь Чжэню на то, что собаки и волки очень тесно связаны. Одной из загадок, которые занимали мысли Чэнь Чжэня, было и то, что, в отличие от большинства кочевых культур, тотемом одного из самых ранних народов северо-западных степей Китая цюаньжунов была собака, а не волк. Иероглиф цюань переводится как “собака”, и сами они считали, что их далекие предки – это две белые собаки, и именно поэтому тотемом цюаньжунов является собака. Чэнь Чжэнь чувствовал к этому недоверие: почему же такой лихой степной народ поклоняется такому одомашненному животному, как собака? Возможно, что несколько тысяч лет назад степные собаки были необыкновенно злобными, с крайне диким нравом или даже не уступали в свирепости волкам, то есть были наполовину волками. Белые собаки, которым поклонялись древние цюаньжуны, вполне возможно, были белыми волками. Насколько велика связь между собаками и волками точно сказать нельзя, но то, что связь присутствует, в этом Чэнь Чжэнь и, соответственно, Лю Цзяминь не сомневались.

Несомненно, кочевые народы считали собак своими преданными друзьями, поэтому употреблять в пищу собачье мясо, то есть есть своих друзей, как делают в некоторых регионах Китая, монголы считали неприемлемым, варварским. Отношение китайцев к собакам не совпадает с отношением монгол к собакам, как и отношение к волкам. В китайском языке существуют устоявшиеся фразеологизмы, которые называются чэньюи. Чэньюи практически всегда состоят их четырех иероглифов, и, как любые другие пословицы и поговорки, отражают отношение того или иного народа к разным вещам. Рассмотрев чэньюи и другие устойчивые выражения китайского языка, содержащие иероглифы “собака” и “волк”, можно проследить отношение китайцев к этим животным. Приведем несколько примеров:

1. 阿狗阿猫 阿猫阿狗 - "собаки кошки, кошки собаки". Это выражение используют, когда говорят о недостойных внимания людях или вещах.

2. 帮狗吃食 - "помогать собаке есть". В речи выражение имеет смысл - помогать плохим людям в плохом деле.

3. 藏弓烹狗 - "прятать лук, готовить собаку". Полная версия “飞鸟尽，良弓藏，狡兔死，走狗烹” - "при исчезновении летящей птицы прячут лук, при смерти хитрого зайца готовят собаку". В историческом аспекте это выражение описывают те случаи, когда после победы казнят отличившихся/ совершивших подвиг людей.

4. 打狗看主 - "бить собаку, глядя на хозяина". Одно из значений этого выражения, что бить или не бить собаку зависит от того, хотите ли вы "сохранить лицо" хозяину этой собаке. Также выражение означает, что прежде чем разбираться с человеком, нужно выяснить, кто стоит за этим человеком.

5. 打落水狗 - "бить упавшую в воду собаку". Означает - продолжать атаковать уже потерпевшего поражение плохого человека. Русским эквивалентом этого чэньюя может быть выражение "бить лежачего".

6. 貂不足，狗尾续 - "при нехватке соболя восполнять собачьим хвостом". Так китайцы говорят о вещи плохого качества, подразумевая то, что при недостатке нужного материала его можно заменить подделкой.

7. 貂狗相属 - "смешивать соболя и собаку". Означает - смешивать истинное, ценное с подделкой.

8. 狗傍人势 - "собака опирается на силу человека". Так говорят о плохих людях, которые пользуясь чьей-либо властью обижают народ.

9. 狗逮老鼠/狗拿耗子 - "собака ловит мышей" / "собака держит крысу". Выражение употребляют, говоря о людях, которые пытаются делать то, чего совершенно не умеют, или о невеждах.
10. 狗党狐朋 - "орава собак, друзья лисы". Так говорят о группе людей, которая не занимается должным делом, а только попусту тратит время.
11. 狗盗鸡鸣 - "собака крадёт, курица кричит". Выражение используют, когда хотят сказать о чьих-то нелिцеприятных тайных делах.
12. 狗盗鼠窃 - "собака крадёт, мышь подслушивает". Так говорят о подлых людях, предателях, сравнивая их с собакой и мышью.
13. 狗颠屁股 - "собака виляет хвостом". Так говорят о подлизах и о неискренних людях.
14. 狗恶酒酸 - "злая собака, кислое вино". Выражение употребляют, говоря об опасной обстановке.
15. 狗吠非主 - "собака лает не на хозяина". Выражение означает, что каждый верен своему хозяину.
16. 狗吠之惊 - "испуг от лая собаки". Так говорят о маленьком, незначительном испуге или переполохе.
17. 狗肺狼心 - "собачьи лёгкие, волчье сердце". Выражение используют в отношении злых, озлобленных, как собака и волк, людях. Также применяется в отношении неблагодарных людей.
18. 狗苟蝇营 - ради выгоды быть неразборчивым в средствах, не знать стыда и позора.
19. 狗急跳墙 - "торопящаяся собака запрыгивает на стену". Так говорят о плохих людях, которые в безвыходных ситуациях ищут всевозможные способы спастись.
20. 狗口里生不出象牙/ 狗口里吐不出象牙 - "во рту собаки не зародится слоновая кость"/"собака не выплюнет слоновую кость". Выражение означает, что плохой человек всё равно не скажет ничего хорошего/ценного.
21. 狗皮膏药 - "пластырь из собачьей шкуры". В китайской медицине для снятия опухоли и обезболивания использовали пластырь из собачьей шкуры. Выражение же употребляют, когда говорят о подделках.

22. 狗屁不通 – так говорят о человеке, который ничего не может понять, или же неправильно и непонятно излагает свои мысли.

23. 狗头军师 - "советоваться с собачьей головой". Выражение употребляют в отношении людей, любящих давать советы, которые не отличаются ценностью. Также о людях специально дающих плохие советы.

24. 狗头鼠脑 - "собачья голова, мышинные мозги". Так можно сказать о глупом и глупо выглядящем человеке.

25. 狗续侯冠/狗续金貂 - "собака продолжает венец короля" "собака продолжает золотого соболя". Выражение означает, что чины распределены неправильно и корыстно.

26. 狗血淋头- "собачья кровь на голову". В древности верили, что если на голову нечисти вылить собачью кровь, то нечисть лишится магической силы. Позже стало применяться в значении "сильно ругаться/браниться". А тот, кого ругают, как нечисть, на которого вылили собачью кровь, не может ничего поделать, не знает, что ответить.

27. 狗眼看人 - "смотреть на человека собачьими глазами". Так говорит о тех, кто выбирает людей из корыстной выгоды, неискренне, основываясь на пользе, которую им могут принести связи.

28. 狗咬吕洞宾 - "собака кусает Люй Дун Биня". Люй Дун Бинь - один из 8 магов, славящихся добротой и т. д. Выражение употребляется в значении "не различать чёрное и белое, обижать даже добрых людей".

Совершенно очевидно, что практически во всех приведенных выше устойчивых выражениях слово "собака" имеет отрицательную коннотацию. Ей присваиваются такие качества, как злость, подлость, глупость, корысть, неискренность, а в некоторых выражениях собака даже ставится в одном ряду с волком (狗肺狼心). Такое отношение к собакам невозможно представить среди кочевых народов, где собака является неотъемлемым помощником человека. Хотя, нужно заметить, что и в Китае собаки издавна охраняли дома, осенью и зимою сторожевые собаки охраняли военные лагеря и преступников, а с охотничьими псами устраивалась охота на многочисленную дичь. Однако, употреблять собачье мясо в пищу китайцы считают вполне приемлемым и традиционным, а монголы, напротив, считают это практически преступлением, а людей, которые едят собак, - варварами.

Можно сделать вывод, что волки и собаки в сознании людей тесно связаны. И образ

собаки, и образ волка имеет как положительную сторону, так и резко отрицательную. Эти животные воспринимаются очень неоднозначно, в их образах заложена ярко выраженная двойственность, которую можно наблюдать на примере восприятия монголами волков и восприятия китайцами собак.

Список литературы

1. Величко Т.В Архетип волка как культурно-психологический феномен, <http://psf.grsu.by/NauchRab/pub01/04> .
2. Лосева И.Н., Капустин Н.С., Кирсанова О.Т., Тахтамышев В.Г. Мифологический словарь. – Ростов-на-Дону.: Феникс, 1997г. – 547с.
3. Мифология: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Мелетинский Е.М. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998г. – 736с.
4. Цзян Жун Волчий тотем / Пер. с кит. Н.Ю. Агеева. - М.: ООО ТД “Издательство Мир Книги”, 2007. - 544 с.